

91(55)

X-19

Н. Ханьков

**Экспедиция
в
Хорасан**

91(55)
Х-19

Н. Ханьков

Экспедиция в Хорасан

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТН.
БИБЛИОТЕКА ИМ. Н. К. КРУПОЙ

НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ХАНЫКОВ

«...скажу одно: это исполн!»

И. С. Тургенев

Географическое положение Российского государства, раскинувшегося на двух материках — Европейском и Азиатском, многовековые экономические и политические связи с соседними странами, научный и практический интерес к сопредельным и иным государствам Востока — все это немало способствовало появлению отечественной школы ориенталистики, которая уже в дореволюционное время занимала видное место в мировой науке. Ее представляли такие выдающиеся специалисты, как Н. Я. Бичурин (Иакинф), Б. А. Дорн, В. В. Вельяминов-Зернов, Х. Д. Френ, В. Р. Розен, В. П. Васильев, И. П. Минаев, В. В. Радлов, М. В. Никольский, В. С. Голенищев, Е. П. Ковалевский, В. В. Бартольд и другие. Их перу принадлежат десятки книг и статей, посвященных различным проблемам истории, лингвистики, археологии и культуры народов Востока.

К этой славной плеяде, бесспорно, можно отнести и Николая Владимировича Ханыкова — пытливого путешественника, талантливого ориенталиста, ученого разносторонних интересов, с успехом пробовавшего свои силы в изучении не только истории, но и археологии и этнографии Ирана и Средней Азии. Его деятельность, как нам представляется, заслуживает всестороннего исследования.

Николай Ханыков (1819—1878) был средним из трех сыновей балтийского моряка В. Я. Ханыкова, вышедшего в отставку при Александре I в чине коллежского советника и жившего с семьей в Петербурге. Он дал детям первоклассное образование: старший сын Яков (1818—1862), как и Николай, окончил Царскосельский лицей; младший, Александр (1825—1853), обучался с детьми знати в 1-й Петербургской гимназии, а затем в Петербургском университете. По-разному сложилась их судьба. Весной 1849 года за участие в кружке петрашевцев был арестован и приговорен к смертной казни Александр. В результате хлопот братьев и друзей казнь была заменена ссылкой на каторгу в Орскую крепость, на границу бескрайних казахстанских степей. Однако Александру не суждено было вернуться: он вскоре умер, по официальной версии, от холеры.

Старший брат Яков — автор ряда работ по географии, истории, экономике стран Средней Азии, работ, вызывающих интерес и в наши дни. Он дослужился до высокой должности оренбургского гражданского губернатора, но в конце 50-х годов заболел психическим расстройством, которое принимало все более тяжелые формы и фактически выключило его из общественной жизни.

Что же касается Николая, то на рубеже 50—60-х годов он, уже будучи человеком с именем в научном мире, под формальным предлогом переехал во Францию, по сути дела, эмигрировал и в своем родном отечестве появлялся лишь наездами.

Важную роль в жизни Николая Ханыкова сыграл лицей. Собственно говоря, не столько лицей, сколько его воспитанники. Среди них мы встречаем социалиста-утописта и вольнодумца Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского (1821—1866); среди них — будущий министр просвещения Александр Васильевич Головнин (1821—1886), приближенный председателя Государственного совета и генерал-адмирала вел. кн. Константина Николаевича, который, сознавая необходимость проведения некоторых буржуазных реформ, окружил себя либерально мыслящими представителями петербургской бюрократии — так называемыми константиновцами (Головина иногда называли главой кружка «константиновцев»); среди них — будущий министр финансов Михаил Христофорович Рейтерн (1820—1890), тщетно пытавшийся в период царствования Александра II вытянуть российскую экономику из состояния стабильного кризиса; среди них — и один из крупнейших финансистов тех лет, видный деятель ведомства Рейтерна Юлий Александрович Гагемейстер (1806—1878). Одним словом, элита. Буташевич-Петрашевский оказал несомненное влияние на формирование мировоззрения Николая Владимировича. Дружеские связи с некоторыми лицеистами, ставшими важными сановниками, Николай поддерживал до конца дней и порой прибегал к их помощи.

Итак, памятный день окончания лицея — начало самостоятельной жизни. Так уж по традиции сложилось, что выпускники этого заведения составляли значительный процент среди личного состава министерства иностранных дел Российской империи. Николай получил назначение в Департамент внутренних сношений министерства и в конце февраля 1838 года приступил к исполнению своих обязанностей. Впрочем, в столице он пробыл недолго; 15 ноября 1838 года его перевели на должность чиновника особых поручений при черниговском, полтавском и харьковском генерал-губернаторе, а 17 марта 1839 года — на тот же пост при оренбургском военном губернаторе¹.

Повторим еще раз: 1839 год. Период активизации внешней политики Британской империи — соперницы России на Среднем Востоке и в Средней Азии. Дипломатический успех англичан, силой заставивших Иран в 1837—1838 годах снять осаду Герата. Еще больший успех — в Афганистане, где англичане свергли независимого эмира Дост Мохаммед-хана (1792—1863)² и посадили вместо него своего вассала — шаха Шуджу уль-Мулька³. Правда, этот успех был недолгим: в результате массового восстания афганцев в 1841—1842 годах Шуджа уль-Мульк был уничтожен вместе с 15-тысячной оккупационной британской армией.

Царское правительство также стремилось укрепить свои политические и экономические позиции в этом районе. Однако стремление расширить торговые связи с ханствами Средней Азии встречало противодействие со стороны Хивы. Петербург обвинял Хиву в попытках установить свой суверенитет над русскоподданными казахскими племенами и родами, в нападениях на караваны с товарами, следовавшие из Оренбурга в Бухару

и Коканд и обратно, а также в содержании в рабстве русских пленных, захваченных при набегах на Оренбургскую линию. В марте 1833 года военным губернатором на этот аванпост Российской империи был назначен приближенный Николая I, его любимец Василий Алексеевич Перовский (1795—1857). Здесь следует вспомнить тех, кто составлял непосредственное окружение Перовского: лингвиста и писателя В. И. Даля (1801—1872), композитора А. А. Алябьева (1787—1851), братьев Ханыковых.

В качестве важнейшего мероприятия, имевшего целью содействовать развитию влияния России в этом районе, Перовский предложил осуществить военный поход на Хивинское ханство, подготовка к которому развинулась в 1839 году.

Экспедиция, предпринятая в зимнее время, потерпела полный провал. Сильные морозы и бураны, нехватка продовольствия и фуража, падеж верблюдов, высокая смертность среди солдат и казаков — вот те причины, в результате которых отряд Перовского так и не добрался до Хивы.

Тем не менее царское правительство отметило заслуги многих участников похода. В их числе мы встречаем и коллежского секретаря Н. В. Ханыкова, получившего в сентябре 1840 года по представлению генерал-адъютанта Перовского чин титулярного советника за то, что он занимался «писменной частью» во время экспедиции, «а прежде собранием и сводом различных сведений о Хиве»⁴.

За два месяца до этого, 20 июля, Ханыков был переведен в Азиатский департамент министерства иностранных дел и назначен переводчиком IX класса с прикомандированием к оренбургскому военному губернатору. Это в немалой степени было связано с тем, что Н. Ханыков, обладавший незаурядными лингвистическими способностями, взялся за самостоятельное изучение восточных языков и основательно в них преуспел.

Так началось практическое знакомство Ханыкова с Азией. Трудолюбивый и добросовестный, он принялся глубоко и всесторонне изучать страны и народы, которые отныне на всю жизнь приковали к себе его пристальное внимание. И вскоре Перовский поручает ему в высшей степени ответственное задание.

Весной 1841 года, когда формировалось чрезвычайно важное посольство горного инженера подполковника К. Ф. Бутенева (1805—1869) в Бухарское ханство, военный губернатор счел необходимым включить в его состав Николая Владимировича, даже не согласовав это с Петербургом — крайне редкий случай в практике бюрократической машины империи, шаг, который мог себе позволить только царский фаворит. Но обосновал его генерал-адъютант достаточно убедительно. 22 апреля 1841 года Перовский писал директору Азиатского департамента Л. Г. Сеньявину (1805—1862): «Что касается до посылки в Бохару титулярного советника Ханыкова, то я считаю ее совершенно необходимой, потому что майор Бутенев (вскоре он был произведен в подполковники.— Н. Х.) мало знаком и с географией Средней Азии и с характером жителей ее, в особенности бухарцев... краткость же времени, остающегося до выступления миссий (одновременно с Бутеневым в другое ханство — Хиву — снаряжалось посольство П. Никифорова.— Н. Х.), лишает сказанного офицера [возможности] приобрести

нужные сведения. Надеясь не встретить в этом случае препятствия со стороны министерства, я решился отправить Ханыкова даже до получения из Петербурга ответа, если последний по какому-либо случаю не прибудет до отхода миссий»⁵.

На поездку Ханыкова не было отпущено денег, но губернатор готов был пренебречь даже этим обстоятельством, лишь бы Николая Владимировича включили в состав посольства. «Без сомнения,— продолжал Перовский,— что весьма полезно было бы хотя [бы] часть содержания, определенного Ханыкову, ассигновать из Государственного казначейства, но если на это представится затруднение, то можно будет покрыть издержки из сумм, уже назначенных для снаряжения миссий...»⁶.

В данном случае мы должны быть признательны губернатору за его настойчивость. Ибо если посольство Бутенева приобрело определенное значение, то лишь благодаря участию в нем Н. В. Ханыкова. И то не в самой Бухаре, а по возвращении оттуда.

Выехав из Оренбурга 3 мая 1841 года в сопровождении Ханыкова, натуралиста Лемана и геолога Богословского, Бутенев 5 августа прибыл в Бухару. Переговоры длились восемь месяцев. 8 апреля 1842 года дипломаты двинулись в обратный путь, не добившись принятия ни одного из своих предложений: улучшить условия русской торговли с Бухарой, обеспечить личную и имущественную безопасность российских купцов в ханстве, освободить захваченных пленных и т. д.⁷.

И все же восьмимесячное «сидение» в одном из полузакрытых в ту пору для ученого мира центров ислама принесло существенную пользу. По возвращении в Петербург уже 1 января 1843 года Н. В. Ханыков написал предисловие к вышедшему вскоре своему обширному труду «Описание Бухарского ханства»⁸. Эта работа представляла, по сути, первое достоверное исследование климатических и природных условий Бухары, этнического состава ее населения, особенностей развития промышленности и сельского хозяйства, административного устройства и культурной жизни.

Автор проявил себя внимательным и тонким наблюдателем. Он поведал читателю о самых различных сторонах жизни ханства, дополнил текст «Алфавитным списком названий» на русском и персидском языках (объемом 40 страниц), встречающихся в «Описании Бухарского ханства», а также планами городов Самарканда и Бухары «с окрестностями».

Повествование о внутреннем устройстве этого среднеазиатского государства имело определенное значение не только для науки, но и для характеристики взглядов Н. В. Ханыкова. Раздел об «администрации» начинается достаточно ярко: «Глава ханства есть эмир. Право жизни и смерти суть неотъемлемое достояние его одного, он вполне располагает городами, селами и народами, находящимися в ханстве, будучи ограничен только каноническим мусульманским правом, то есть Кораном, тafsирем и хадисами, принимаемыми суннитами»⁹. Выразительная картинка, не правда ли?

Далее следует детальная характеристика многочисленных и разнообразных военных, придворных и духовных «чиновников» Бухарского ханства, их прав и обязанностей, постановки образования с указанием книг,

которые надлежало освоить ученикам медресе, и пр. Н. В. Ханыков не упустил из виду и состояние земледелия края. Он выявил и описал 12 сортов бухарского винограда, 8 сортов яблок, 10 сортов дынь, 9 сортов тыкв, отметил особенности разведения миндаля, джиды, хлопчатника и т. д.

Невозможно, естественно, пересказать все содержание этой работы обрисовавшей средневековую феодально-теократическую монархию. Достаточно сказать, что современники по достоинству оценили эту своеобразную «бухарскую энциклопедию»; вскоре она была переведена на ряд иностранных языков. А через семь десятилетий после выхода в свет работы Н. В. Ханыкова академик В. В. Бартольд писал: «С тех пор многие русские исследователи имели возможность посетить Бухарское ханство при еще более благоприятных условиях, чем Ханыков; тем не менее его книга остается и до сих пор лучшим описанием ханства... Исключительные достоинства книги Ханыкова возбуждают еще больше удивления, если вспомнить, что автору во время пребывания в Бухаре было 19 лет, во время издания книги — 21 год»¹⁰.

Возвращением из Бухары посольства К. Ф. Бутенева завершается «оренбургско-среднеазиатский», если можно так выразиться, период жизни Н. В. Ханыкова. Около двух с половиной лет (с августа 1842 по январь 1845 года) начинающий ориенталист проводит в столице, углубляя свои познания по Востоку, знакомясь с делами Азиатского департамента, что было необходимо для дальнейшей практической деятельности. Некоторое время он «управляет Первым столом II отделения»¹¹. В сферу ведения Первого стола входили дела «кочевых народов Кавказской, Астраханской и частью Саратовской губерний, а также киргиз-кипчаков всех орд»¹².

Ханыков готовился к новому назначению. 31 января 1845 года он был командирован в Тифлис, в Дипломатическую канцелярию Главного управления Закавказского края. Значение этого учреждения, в котором в свое время трудился и Александр Сергеевич Грибоедов, определялось тем, что кавказские власти обладали некоторой самостоятельностью в сношениях с соседними странами — Ираном и Османской империей, — и чиновник Азиатского департамента призван был следить за соблюдением общегосударственных интересов, соответствующим оформлением дипломатических переговоров, обменом посланиями и т. п.

Аналогичными внешнеполитическими функциями были наделены также оренбургские и западносибирские органы управления.

Состоя чиновником по особым поручениям при наместнике кавказском М. С. Воронцове, Н. В. Ханыков проявлял большой интерес к духовной жизни и культуре местного населения. Он тщательно изучает религиозные догмы ислама и особенности его распространения на Кавказе и в Закавказье. Это имело в те годы не только научное, но и практическое значение. Результаты исследований находили отражение в научных изданиях и на страницах периодической печати. Так, в 1846 году появляется его «Перевод мусульманских постановлений о войне»¹³, а в следующем году обстоятельная работа «О мирюдизме и мюридах»¹⁴.

Н. В. Ханыков становится признанным исламоведом, и не случайно

именно ему М. С. Воронцов поручает самые сложные задания: в 1848 году по распоряжению наместника он объехал районы Закавказья, собирая сведения о мусульманском духовенстве. О результатах этой поездки Воронцов отзывался с большой похвалой. В письме председателю Кавказского комитета А. И. Чернышеву от 20 июля 1849 года он сообщал, что в связи с необходимостью определить «права мусульманского духовенства за Кавказом, порядок действий этого сословия и т. п.» изучение этого вопроса было поручено Н. В. Ханыкову. «Он находится в Закавказском крае пятый год,— продолжал наместник,— хорошо знает восточные языки и потому имел возможность войти в подробные изыскания о мусульманском духовенстве, необходимые для безошибочного составления такого важного и обширного труда»¹⁵.

В самом деле, в июле 1849 года Н. В. Ханыков представил подробный «Проект положения о мусульманском духовенстве Алиева учения»¹⁶. В нем предусматривалось учреждение в Закавказье шариатских судов и определялись права и обязанности шиитского духовенства. Этот документ основывался (как и все, что делал его автор) на глубоком, тонком и детальном анализе. Он был одобрен советом Главного управления Закавказского края и, хотя царские власти не ввели его в действие¹⁷, сохранился как образец попытки деликатного разрешения непростой проблемы.

Интересна «Объяснительная записка к проекту»¹⁸. Она содержит: «Исторический обзор действий правительства по устройству мусульманского духовенства за Кавказом» (примерно с первой четверти XIX века), сведения о «составе и особенности» духовенства, насыщенные фактическими и статистическими данными, а также «Основания представляемого положения» о мусульманских духовных деятелях Закавказья, в которых анализируется предлагаемый законопроект.

Собранные и обобщенные Н. В. Ханыковым материалы, особенно «Исторический обзор», не устарели и в наши дни. Советский востоковед Н. А. Смирнов, много и плодотворно занимающийся вопросами исламоведения, отмечает, что выводы, к которым он пришел, изучая мюридизм на Кавказе в рассматриваемое время, в основном совпадают с точкой зрения Ханыкова¹⁹.

Деятельная натура ученого не позволяет ему замыкаться в кругу служебных обязанностей (хотя и они, как видим, были весьма полезны для науки). Он упорно разыскивает восточные надписи и собирает ценный эпиграфический альбом. О том, что его составителем был Н. В. Ханыков, забыли, и лишь спустя 100 лет это было установлено В. А. Крачковской²⁰.

Вообще годы, проведенные за Кавказским хребтом, значительно расширили кругозор востоковеда и оказались весьма плодотворными. Вместе с тем можно полагать, что отдаленность от столицы сыграла для него свою роль и в чисто житейском плане.

Вновь напрашивается сравнение с выдающимся автором «Горя от ума». Некогда пребывание на Кавказе спасло А. С. Грибоедова от осуждения по делу декабристов, хотя, как известно, не избавило от подозрений и обвинений в участии в заговоре, по делу о котором были аре-

стованы все его друзья. Когда почти через четверть века, в апреле 1849 года, по доносу провокатора были арестованы петрашевцы, выяснилось, что основным очагом противоправительственной «заразы и крамолы» является — о ужас! — министерство иностранных дел, и прежде всего его Азиатский департамент.

И впрямь: руководитель «возмутительного кружка» титулярный советник М. В. Буташевич-Петрашевский служил вторым переводчиком в Департаменте внутренних сношений ведомства иностранных дел. Его соучастниками выступали: титулярный советник Н. С. Кашкин и коллежский секретарь И. М. Дебу — младшие помощники столоначальника в Азиатском департаменте, сотрудники этого же департамента Д. Д. Ахшарумов и К. М. Дебу.

13 мая 1849 года управляющий III Отделением Л. В. Дубельт сообщал председателю следственной комиссии И. А. Набокову, что по распоряжению директора Азиатского департамента Л. Г. Сеньявина, временно возглавлявшего министерство иностранных дел, был произведен обыск в столе одного из братьев Дебу, где среди официальных документов обнаружены доставленные в III Отделение «частная бумага противозаконного содержания и несколько книг»²¹.

Нет оснований сомневаться в том, что Н. В. Ханыков, осуждавший азиатский деспотизм, не с большими симпатиями относился и к полуазиатско-полугерманскому деспотизму сановного Петербурга. И уж скорее он оказался бы рядом с братом и департаментскими друзьями на скамье подсудимых, чем «препроводил куда следует» вместе с директором Сеньявиным обнаруженные улики. Но он был на Кавказе, в «теплой Сибири», по меткому определению, бытовавшему в то время.

Суровая расправа над членами кружка, вся вина которых заключалась в обсуждении политических проблем и попытках пропагандировать социал-утопистские идеи Фурье, в какой-то степени продиктованная испугом, вызванным среди правящих кругов Российской империи революциями 1848 года в ряде стран Европы, потрясла Н. В. Ханыкова. Особенно тяжело переживал он участь любимого младшего брата и ходатайствовал о ее смягчении. Его ссылка и гибель потрясли Николая Владимировича. Чтобы не оставлять ни часа для тяжких мыслей, он полностью погружается в работу, нередко выходящую за рамки обязанностей дипломатического чиновника при наместнике. Так, еще в 1851 году Н. В. Ханыков совместно с топографом И. И. Ходзько²² впервые совершил восхождение на Большой Арарат. Речь идет не о простой альпинистской вылазке, а о событии, чрезвычайно важном для географической науки: было установлено местоположение почти 100 пунктов региона²³.

В июле 1850 года по инициативе А. В. Головкина (секретарь РГО с января 1846 по март 1848 года) был утвержден и начал действовать Кавказский отдел Русского Географического общества (РГО). Николай Владимирович вплоть до 1855 года выступал в роли помощника «председательствующего Отделом». А поскольку «председательствующим» был, как правило, сановник, не перегружавший себя излишними хлопотами, то все заботы по руководству Отделом легли на плечи Ханыкова.

Впрочем, он не только не жаловался, но, напротив, являл пример

поразительного трудолюбия. Уже во втором выпуске «Записок Кавказского отдела имп. Русского Географического общества», вышедшем в 1853 году, Н. В. Ханьков опубликовал обстоятельную статью «О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря»²⁴. Она была написана типично «по-ханьковски» — насыщена огромным фактическим материалом, извлеченным с исчерпывающей полнотой из мировой литературы, — от античных авторов, восточных историков и летописцев разных веков до современных специалистов. Книги и статьи на европейских, персидском и арабском языках и прежде всего собственные наблюдения были использованы в работе над темой, не только научная, но и практическая актуальность которой не исчерпана и по сию пору.

А за год до этого, в 1852-м, Н. В. Ханьков отправился в сравнительно непродолжительную поездку в курдские районы Ирана. Она принесла большую пользу: в то время об этих районах, быте и нравах их населения почти ничего не было известно. Ее результатом явилась статья «Поездка в Персидский Курдистан»²⁵.

Статья эта, хотя и небольшая по объему, свидетельствует о дальнейшем расширении интересов неутомимого дипломата, востоковеда, географа. Уже тогда современники весьма высоко оценивали плоды его трудов. Вот что писал крупный специалист по Востоку П. С. Савельев²⁶: «Г-н Ханьков, ныне корреспондент Академии наук, известный путешествием своим в Бухару и „Описанием Бухарского ханства“, принадлежит к основательнейшим и учнейшим из наших ориенталистов. Его пребыванию за Кавказом и в Персии ученый мир обязан открытием и объяснением многих лапидарных и рукописных памятников, служащих к дополнению истории Востока; недавно отыскал он неизданную часть знаменитой „Истории Рашид-Эддина“. Ученые исследования Ханькова печатаются в „Bulletin“ Академии наук, „Записках Археологического общества“ и в „Записках Кавказского отдела Географического общества“»²⁷.

Эти строки напечатаны в 1856 году, т. е. еще до появления многих крупных работ Н. В. Ханькова. Иран упомянут не случайно: это древнейшее государство все более властно вторгалось в поле зрения ученого. Служебные перемещения в какой-то степени способствовали тому, что отныне он смог почти все свое внимание уделить знакомству с этой соседней с Россией страной.

В 1854—1857 годах Н. В. Ханьков занимает довольно ответственный пост — генерального консула России в Тебризе, втором после Тегерана городе страны, центре Иранского Азербайджана.

Вторая половина 50-х годов XIX века была специфическим временем для России. Поражение военно-феодального царизма в Крымской войне вынудило его подвергнуть мучительному пересмотру многие основные принципы своей политики, и прежде всего внешней. Впервые, пожалуй, царское правительство начало по-настоящему осознавать экономическое, а стало быть, и военно-политическое отставание от стран Запада, в которых к тому времени уже победила буржуазная революция. Во всяком случае, Петербургу требовалась передышка, чтобы накопить силы.

Эти предпосылки и веяния породили новые внешнеполитические концепции, сводившиеся, в частности, к призывам перенести центр тяжести

дипломатической и торгово-экономической деятельности из Европы в Азию²⁸. Одним из важных шагов в данном направлении должна была стать отправка хорошо укомплектованной и основательно снаряженной миссии в богатую иранскую провинцию Хорасан.

Инициатором этой идеи явился Николай Владимирович Ханыков. 13 сентября 1857 года уже в чине действительного статского советника он был назначен драгоманом V класса при Азиатском департаменте и снова откомандирован в Кавказское наместничество, в штате которого Ханыков числился до 1 января 1863 года. В 1857 году он представил председателю РГО вел. кн. Константину Николаевичу «свою весьма обстоятельно и с большим знанием дела составленную записку о пользе снаряжения ученой экспедиции в Северо-Восточную Персию и план этой экспедиции»²⁹.

Намечавшаяся экспедиция имела и политическую подоплеку. Обстановка на Среднем Востоке была сложной. Попытка Британской империи вооруженным путем утвердиться в Афганистане потерпела крах в результате массового антианглийского восстания 1841—1842 годов. На кабульский престол вернулся свергнутый колонизаторами в 1839 году эмир Дост Мохаммед-хан. Стремясь при помощи дипломатии добиться того, что не удалось сделать грубой силой, британское правительство в 1855 году заключило с ним договор о мирных отношениях и взаимном обязательстве не посягать на территорию другой страны.

Область Герата составляла в то время самостоятельное владение. В 1856 году там утвердился Иран. Лондон опасался усиления влияния России в этом районе, с которой у Ирана были дружественные отношения, и начал против него войну. Она завершилась англо-иранским договором, подписанным 4 марта 1857 года в Париже. Шах признавал, в частности, независимость Афганистана и Герата, вошедшего в 1863 году в состав Афганистана. Незадолго до этого, 26 января 1857 года, был подписан новый англо-афганский договор, который подтверждал и развивал соглашение 1855 года.

Наряду с научными исследованиями Н. В. Ханыков должен был установить контакт с Дост Мохаммед-ханом. (Как выяснилось впоследствии, эмир отказался встретиться с главой русской экспедиции, опасаясь, чтобы Англия не воспользовалась этим как поводом для нападения на его страну.)

Предложение Ханыкова было поддержано Е. П. Ковалевским. Горный инженер и географ, изъездивший Европу, Азию и Африку, талантливый литератор, опытный дипломат и общественный деятель, человек энциклопедических знаний, Ковалевский занимал тогда посты директора Азиатского департамента и помощника председателя РГО. Учитывая политическое звучание намечаемой экспедиции, в дело вмешались и высшие сферы — различные министерства и ведомства, а также Академия наук, избравшая в том же году Н. В. Ханыкова своим членом-корреспондентом. Но основным куратором продолжало выступать Географическое общество, действительным членом которого уже был к тому времени Н. В. Ханыков.

Руководство экспедицией и было возложено на Ханыкова, поскольку его «близкое знакомство с Востоком... патриотическая преданность оте-

чественному просвещению и многосторонние познания вполне ручались за успех дела»³⁰. Дерптский университет командировал для участия в ней в качестве ботаника и врача профессора А. Бунге (его помощником был студент Бинерт), а для геологических изысканий — магистра А. Гёбеля; Петербургский технологический институт — географа Р. Э. Ленца; морское министерство отрядило капитан-лейтенанта Ристори. В качестве путешественника-любителя на свои средства отправился граф Е. Кейзерлинг. Экспедицию сопровождали топографы Жаринов и Петров. В наши дни подобная экспедиция получила бы название «комплексной».

К своим непосредственным обязанностям члены экспедиции приступили 23 марта 1858 года: в этот день они бросили якорь на ашуградинском рейде, неподалеку от иранского города Астрабад. Средств на содержание экспедиции хватило до 18 июня 1859 года, когда она была официально распущена, хотя отдельные ее участники еще продолжали исследования. Так, Н. В. Ханыков и А. Гёбель вернулись на родину только 22 августа.

Пятнадцать-семнадцать месяцев — срок немалый. Все зависит от того, как им распорядиться. Хорасанская экспедиция распорядилась им блистательно, в чем изрядная заслуга ее руководителя. Вместе со своими коллегами Н. В. Ханыков прошел слабоизученный путь от Астрабада через Себзевар и Нишапур к Мешхеду, посетил Герат, а затем двинулся на юг, в Систан. Побывав в Лаше, Бирдженде и Тебесе, он через Керман, Исфаган и Кум прибыл в Тегеран, совершив гигантский кольцевой объезд всего Восточного Ирана. Разумеется, то был не просто «объезд». Члены экспедиции проводили топографические съемки, собирали ботанические, зоологические и геологические коллекции. Частичное представление о достигнутых результатах (неполное, конечно) дают следующие цифры. Астрономически и триангуляционно было установлено положение 100 пунктов, что позволило определить географически правильные очертания огромной территории, превышающей 350 тысяч квадратных верст. Собрано до 2 тысяч видов растений, в том числе множество дотоле неизвестных, 43 ящика образцов солей, вод и горных пород, богатые коллекции животных.

Казалось бы, полный успех... Во всяком случае, Географическое общество расценивало Хорасанскую экспедицию — и вполне обоснованно — по составу, объему и разнообразию исследований «одним из успешных и даже блистательных предприятий» своих. Ну а дальше?

А дальше события развивались трагически с научной точки зрения. Лучше всего — кратко, но выразительно — повествует об этом «История полувековой деятельности имп. Русского Географического общества», изданная П. П. Семеновым, который фактически был его многолетним руководителем. Уж он-то знал о положении дел из первых рук: «К сожалению, Совету Общества за совершенным недостатком денежных средств не удалось ни осуществить полную систематическую разработку собранных экспедицией драгоценных материалов, ни сосредоточить обнародования результатов экспедиции в одном изданном Обществом сочинении.

Отсюда и произошло то, что Н. В. Ханыков, получивший по окончании своей экспедиции место русского агента министерства народного просвещения в Париже, после обработки чисто географических и отчасти этнографическо-исторических результатов экспедиции, обнародовал их в Па-

риже за счет Парижского Географического общества. Только впоследствии Н. В. Ханьков пользовался еще материалами Хорасанской экспедиции для дополнений к первому тому Риттерова „Ирана“. Остальные члены экспедиции обнародовали результаты постепенно и медленно обрабатываемых ими материалов в различных специальных изданиях»³¹.

Вот мы и пришли к ответу на недоуменный вопрос, который может возникнуть у любого читателя, взявшего в руки эту книгу: почему на ней стоит русская фамилия, а пониже значится: «Перевод с французского»?

Итак, возвратившись домой, Н. В. Ханьков узнал, что Географическое общество не может финансировать обработку и публикацию материалов, собранных экспедицией. О моральном состоянии его нечего было и говорить: родители умерли, младший брат погиб в оренбургских степях, старший — доживал последние годы, снедаемый неизлечимым душевным недугом. Немногие, хотя и влиятельные, друзья по существу ничем не могли скрасить его пребывание в самодержавной России. Однако им удалось помочь Николаю Владимировичу: благодаря их расположению и поддержке, и прежде всего содействию министра народного просвещения (с 1861 года) А. В. Головнина и Е. П. Ковалевского, директора Азиатского департамента, драгоманом которого продолжал числиться наш востоковед, Ханьков получает возможность выехать в Париж — один из крупнейших центров ориенталистики того времени.

В материальном отношении ученый полностью зависит от высылки «содержания» из Петербурга. Поэтому он с большим удовлетворением сообщает 31 августа 1860 года Е. П. Ковалевскому, что по ходатайству В. П. Буткова, одного из руководителей так называемого Кавказского комитета, получена «высочайшая» санкция на то, чтобы он оставался за границей до февраля 1862 года «с отпуском... 1000 червонцев». По словам Ханькова, это давало ему надежду обработать большую часть собранного материала, который он с присущей ему скромностью называет «хламом» и тут же добавляет: «Но я как отец не могу так отзывать о детище». И в этом же письме проскальзывает тоска по далекой отчизне, по новому большому делу: он пишет Ковалевскому о «благоклонном обещании» вспомнить о нем, «если бы нашлось какое-нибудь дело», на которое он «был бы годен»³².

Видимо, на родине такого дела для него не нашлось, и он вынужден был обратиться к друзьям за содействием, чтобы «узаконить» дальнейшее пребывание в Париже. 7 апреля 1864 года по «высочайшему докладу» министра народного просвещения Н. В. Ханьков был «командирован за границу с ученой целью на два года». 31 января 1866 года по аналогичному представлению срок командировки был продлен еще на три года³³.

В Париже, вдаль от России, он сближается со своими соотечественниками — А. И. Герценом, И. С. Тургеневым и другими. Вместе с Тургеневым проводит некоторое время на острове Уайт, где тогда находились также Л. Н. Толстой, П. В. Аппенков, С. П. Боткин.

Неделями и месяцами Н. В. Ханьков готовит к изданию «Исследование о южной части Центральной Азии». Вскоре оно выходит в Париже на французском языке (его обложка помечена 1862 годом, а титульный лист — 1861-м). На полках книжных лавок появилась «Mémoire sur la par-

tie méridionale de l'Asie Centrale», условно названная нами «Экспедиция в Хорасан». После фамилии автора помещен перечень его ученых званий: член-корреспондент Петербургской императорской Академии наук, Русского археологического общества, Азиатских обществ Германии и Америки, Одесского общества истории и древностей, действительный член Азиатского общества в Париже и Русского Географического общества.

Книга быстро разошлась. Этот серьезный труд на 235 страницах с картой пройденных в 1858—1859 годах областей и районов Ирана вызвал живейший интерес не только у специалистов, но и у всей «читающей публики». Он был отмечен Большой золотой медалью Парижского Географического общества, которой награждали весьма нечасто и только за выдающиеся научные заслуги³⁴. О его появлении восторженно высказывались востоковеды и географы России, Англии, Германии и других стран.

Ценность труда Н. В. Ханыкова заключается в том, что он, во многом впервые, рассказал об обширной местности, которую чрезвычайно редко посещали подлинные представители науки, ее природных условиях, образе жизни и занятиях населения. (Эти вопросы Ханыков впоследствии более подробно рассмотрел в своей другой работе³⁵.) К заслуге автора следует отнести также и большое мастерство, порой даже поэтический талант. И хотя книга кажется иногда несколько перегруженной обильным фактическим материалом, ссылками на высказывания различных авторитетов, она тем не менее читается легко и с увлечением.

Успех вышедшего труда стимулирует автора ускорить подготовку публикации второй части исследования — «Этнографии Ирана», в этой области Н. В. Ханыков был едва ли не самым компетентным среди ориенталистов.

И снова кропотливый анализ собранных материалов, тщательное изучение работ, имеющихся по этому вопросу в парижских библиотеках. И все время «стесненное материальное положение». К счастью, министр народного просвещения Головин помог старому лицейскому товарищу сохранить за ним платную должность агента этого министерства за рубежом. В частности, выполняя поручения министерства, Ханыков покупает и отправляет в Россию микроскоп, который Головин заказал для себя во Франции³⁶.

По заданию того же Головнина, осуществившего в своем ведомстве ряд реформ буржуазного характера (были приняты университетский, гимназический, цензурные и другие уставы), Николай Владимирович составил и опубликовал на французском языке «Очерки народного просвещения в России. Часть первая. Последние реформы в организации народного просвещения». Эта брошюра была разослана всем послам Российской державы за границей³⁷.

На подобные занятия требовалось немало времени, но выбирать не приходилось, да и Головин своими письмами держал агента в состоянии напряжения. Вот, к примеру, одно из них, от 18(30) мая 1863 года. Сетую на строгости в Государственном совете при обсуждении смет разных ведомств, министр высказывал опасение, что Ханыкову могут «не сохранить» на 1864 год содержание от министерства народного просвещения. Он, Головин, доказал, что его ведомству «нужно лицо для сношений

личных, а не письменных с иностранными учеными, чтобы следить за их трудами и узнавать то, что не узнаешь своевременно из газет и ученых журналов»³⁸.

Тяжелые материальные обстоятельства вынуждали Н. В. Ханыкова идти на крайние меры. Из своих поездок на Восток он привозил и присылал в дар Академии наук и отдельным ее представителям различные археологические находки, древние монеты³⁹, а главное — ценные рукописи. Он стал обладателем коллекции таких рукописей — важнейшего первоисточника для ориенталиста, источника бесценного и зачастую невозполнимого. Но нужны деньги...

И вот 10 января 1862 года академики Б. Дорн и В. Вельяминов-Зернов сообщают историко-филологическому отделению Академии наук, что член-корреспондент Н. В. Ханыков предлагает приобрести свое собрание восточных рукописей (около 160), хранящееся в Азиатском музее, и просит за него только возмещения собственных расходов — 3500 рублей. Они, Дорн и Вельяминов-Зернов, считают, что по содержанию и цене покупка весьма целесообразна, «тем более что Азиатский музей Академии обязан г. Ханыкову многочисленными и богатыми пожертвованиями»⁴⁰. Но, как писал Дорн 24 января 1862 года Вельяминову-Зернову, историко-филологическое отделение «признало невозможным» приобрести коллекцию за счет средств Академии наук «по ограниченности оных»⁴¹. Через три месяца дело было передано в Президиум. Там не торопились. Прошло свыше двух лет, пока исполнявший обязанности вице-президента Академии В. Бунаковский (1804—1889) не написал обо всем министру народного просвещения с просьбой исходатайствовать «особую сумму» на покупку собрания рукописей⁴².

Дело было решено только в мае 1864 года. Государственный совет по представлению министра просвещения, «опекавшего» Академию, нашел, что ей и так уже ассигновано 57 тысяч рублей и незачем обременять государственное казначейство сверхсметными расходами. Поэтому приобретение коллекции было включено в расходы министерства на 1864 год⁴³.

Да, ученые общества и организации России не очень баловали своего соотечественника вниманием и заботами. Что же касается Н. В. Ханыкова, то в подтверждение сказанного выше приведем письмо, адресованное ему старым приятелем Ю. А. Гагемейстером, занимавшим в 1858—1862 годах в высшей степени авторитетную должность — директора Особой канцелярии по кредитной части министерства финансов Российской империи. Вскоре после выхода «Исследования южной части Центральной Азии» Гагемейстер писал в Париж: «Благодарю Вас за кавказские надписи, но, прочитав их, я счел полезным поднести их от Вашего имени Географическому обществу и надеюсь, что Вы пришлете ему и экземпляр Хорасанской экспедиции. Какие бы у Вас ни были причины жаловаться на Общество, пора с ним помириться. Оно много сделало полезного и еще более сделает, особенно если Головин не перестанет ему помогать»⁴⁴.

К середине 60-х годов был наконец завершен и другой труд, посвященный экспедиции в Хорасан и общему изучению Ирана. В 1866 году Парижское Географическое общество опубликовало «Записки по этногра-

фии Персии». К прежним почетным званиям, украшавшим фамилию Н. В. Ханыкова, прибавились на титульном листе новые: доктор Петербургского университета, член-корреспондент Московского общества натуралистов (и естествоиспытателей), член Британского Азиатского общества, Географических обществ Парижа, Берлина, Лондона и «т. д. и т. д. и т. д.». Обратите внимание на эти трижды повторенные «и т. д.».

Небольшая по объему, но какая насыщенная с научной точки зрения книга! Богатейший этнографический материал, подкрепленный разнообразными таблицами, фактическими и статистическими данными, рисует яркую картину этнического состава населения Ирана. Работа была подготовлена с учетом последних достижений этнографической науки и, подобно предыдущим, породила восторженные отклики современников — специалистов и неспециалистов.

Тот же Гагемейстер, крупный знаток в области экономических и политических связей России с Востоком, написавший по этому и смежным с ним вопросам множество статей и книг, сообщал Ханыкову: «Недавно только вырвал я у Вельяминова-Зернова прекрасное Ваше исследование об этнографии Персии. Подобной работы, кажется, не существует еще относительно ни одной страны. Если Вы с такой же тщательностью обработаете весь „Иран“ Риттера, то соорудите себе вечный памятник»⁴⁵.

Итак, завершение одного труда, с точки зрения друзей Ханыкова, должно было неминуемо повлечь за собой переход к другому. После общего описания Хорасанской экспедиции они с нетерпением ждали этнографического исследования. Теперь — «Иран» Риттера.

Но прежде чем говорить о новых замыслах ориенталиста, имя которого снискало большое уважение в ученом мире, нельзя, к сожалению, не сказать о том, как царская Россия «отметила» его заслуги. «Высочайшим приказом» (№ 4) министерства иностранных дел от 28 февраля 1866 года Н. В. Ханыков был уволен «по случаю упразднения должности», которую он занимал в Азиатском департаменте⁴⁶. Или, как сказали бы мы, «уволен по сокращению штатов». Царских чиновников не остановили блестящие успехи ученого. Правда, правительство не оставило Ханыкова без компенсации: ему, не имевшему больших поместий, крупных сбережений промышленных предприятий, была «пожалована» ежегодная пенсия — тысяча рублей. Хотя Н. В. Ханыков так и не успел обзавестись семьей, этих денег едва хватало, чтобы обеспечить мало-мальски сносное существование себе одному. Да и на эту сумму не всегда можно было рассчитывать. Мы еще столкнемся с постоянным беспокойством ученого о своем материальном положении... А пока вернемся к намеченной работе — Риттерову «Ирану».

Немецкий ученый К. Риттер, которого П. П. Семенов-Тянь-Шанский называл «величайшим из географов первой половины XIX века»⁴⁷, издал серию книг под названием «Землеведение Азии». Отдельные тома были посвящены России и соседним странам. Автор был «кабинетным» ученым, и при непосредственном изучении тех или иных районов некоторые из его построений не подтвердились. Но широта охвата темы, теоретические «мазки» автора вызвали большой интерес к его трудам. В России совершенно неожиданно создаются предпосылки для издания этих тру-

дов. Разбогатевший на торговле с Востоком купец П. В. Голубков⁴⁸ стал призывать соотечественников усилить внимание к сопредельным государствам Азии. Ему мы обязаны переводом на русский язык и публикацией серии книг, посвященных путешествиям по Востоку, экономическому и политическому положению отдельных стран, в том числе нашедших в свое время работ: «Путешествие в Бухару» и «Кабул» Александра Бёрнса⁴⁹, «Английская Индия в 1843 году» Эдуарда Варрена, «Афганистан и англичане в 1841—1842 годах» немецкого ориенталиста К. Ф. Нейманна (1793—1870), «Британская империя в Индии» шведского генерал-лейтенанта графа Биорнштеерна и других.

Голубков заслуженно был избран действительным членом Русского Географического общества и почетным членом Московского Общества истории и древностей российских. Он пожертвовал РГО значительный капитал на перевод и издание с научными комментариями исследований Риттера под общим названием «Землеведение. География стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией». Осуществление подобного мероприятия, как правило, поручалось крупным ученым, которые должны были учесть и позднейшие изыскания.

Из-за специфики научного подхода К. Риттера к проблеме зачастую поправки и комментарии намного превосходили количественно, а порой и качественно оригинальный текст. В 1856 году был напечатан первый том Риттеровой «Азии» в переводе и с обширными дополнениями П. П. Семенова. В нем рассматриваются «восточные окраины Азии, т. е. отчасти Амурский край, Монголия, Манчжурия, пути по направлению в Пекин и т. д.»⁵⁰. В переводе историка-востоковеда В. В. Григорьева (1816—1881) вышли тома «Кабулистан и Кафиристан» (1867) и «Восточный, или Китайский, Туркестан» (1869—1873).

Н. В. Ханыков находился за пределами России, и отношения между ним и руководством РГО оставляли желать лучшего, после того как оно, по существу, бросило на произвол судьбы участников экспедиции в Хорасан и не уделило внимания обнародованию ее результатов. Однако ни у кого не было сомнений, что том Риттера по Ирану должен готовить именно Николай Владимирович Ханыков, крупнейший знаток этой страны. Когда Совет Общества поручил ему издание труда, ученый подошел к этому, по его собственному выражению, во всеоружии опыта «20-летнего странствования моего по мусульманскому Востоку». Но, верный себе, наш ориенталист в дополнение и развитие этого немалого опыта погрузился в изучение книг и журналов Парижской национальной библиотеки и Британского музея.

Н. В. Ханыков (вместе с Ю. А. Гагемейстером) представлял российских географов на I Международном географическом конгрессе в 1871 году в Антверпене, где пропагандировал достижения отечественных специалистов⁵¹.

Он продолжал поддерживать контакты с друзьями и знакомыми на родине. Письма, которыми они обменивались, подчас дают некоторое представление о круге интересов Ханыкова и его корреспондентов. Так, в письме от 17(29) ноября 1866 года А. В. Головин, к тому времени уволенный с поста министра народного просвещения и перемещенный в Го-

сударственный совет, просит своего друга прислать ему «через посольство» мемуары князя Петра Долгорукова (1816—1868) (эмигрировавшего из России и обличавшего в печати отдельных представителей царизма), а «также номера „Колокола“, которого он „с августа с. г. не видел“»⁵².

Через десять дней Головин сообщал, что Ковалевский отказался издать свою работу из-за многочисленных цензурных изменений, внесенных В. Н. Паниным (1801—1874)⁵³. Еще более характерно послание Ханыкову от 29 декабря 1866 года с многозначительной припиской: «Для Вас лично». Член Государственного совета Российской империи ужасался разгулом цензуры, в результате чего ответственного за нее П. А. Валуева (1814—1890) забаллотировали при выборах в почетные члены Академии наук; Головин сетовал на то, что Валуев «слишком подчинился растлевающему влиянию III Отделения»⁵⁴.

Не стоит подчеркивать, что подобные письма можно было адресовать лишь единомышленнику, у которого встретишь полное понимание. У нас нет оснований ни при каких обстоятельствах зачислять А. В. Головнина в лагерь революционных демократов. Но нет сомнения, что он придерживался либерально-буржуазных взглядов и враждебно относился к реакционно-монархическим кругам, как и другие «константиновцы», очень быстро покинувшие российскую политическую арену после воцарения Александра III с его фаворитами К. П. Победоносцевым (1827—1907), М. Н. Катковым (1818—1887) и другими. Эти своего рода косвенные данные позволяют сделать определенные выводы о политических взглядах и мировоззрении Н. В. Ханыкова, который оставил, насколько известно, крайне мало материалов для прямых суждений по этому интересному вопросу.

Во всяком случае, В. Г. Гейман и Б. М. Кочаков, составители содержательной публикации «Письма А. В. Головнина к Н. В. Ханыкову», справедливо подчеркивают: «Ханыков был всегда близок к демократическим кругам... Во время заграничного пребывания Ханыков был близок к революционной эмиграции: он переписывался и при каждом удобном случае лично встречался с Герценом, для него Герцен писал один из своих памфлетов — „Письма к путешественнику“. Некоторые известия, полученные от Ханыкова, Герцен обнародовал в „Колоколе“»⁵⁵.

Здесь не все точно. Гипотеза о том, что Ханыкову посвящены «Письма к путешественнику», выдвинутая еще М. К. Лемке, редактором первого «Полного собрания сочинений и писем» А. И. Герцена⁵⁶, неверна хотя бы потому, что Николай Владимирович никогда не путешествовал по Соединенным Штатам (именно это путешествие упоминается в «Письмах») ⁵⁷. Но данное обстоятельство не отражается на общей справедливой оценке личности ученого...

По всей вероятности, уход Головнина с должности министра народного просвещения отразился на положении агента министерства за границей. Как писал 9 февраля 1873 года тот же Головин непременно секретарю Академии наук К. С. Веселовскому, Ханыкову грозила «потеря содержания по министерству иностранных дел вследствие разных сокращений». Поэтому востоковед предпринял через Головнина попытку «занять (в Академии.— Н. Х.) место члена по персидской и турецкой лите-

ратуре» с условием оставаться в Париже. «...С 1000 руб. серебром пенсии,— писал Ханыков,— я бы охотно на это пошел, будучи здесь гораздо полезнее Академии, чем в Петербурге, и обязуясь исполнять условие представления двух мемуаров в год, хотя это и не требуется по всем положениям параграфа 44, коим представляется ей право принимать в свои сочлены и без вакансии, а по востоковедческой части у нас столько дела, что и десять членов нашли бы себе работу»⁵⁸.

Попытка эта успехом не увенчалась. К. С. Веселовский ответил, что вакансий не имеется. После утверждения новых штатов «для истории словесности азиатских народов» положено пять академиков. Эти места займут те, кто «уже состоит в Академии»: Броссе⁵⁹, Бетлинг⁶⁰, Дорн, Шифнер и Вельяминов-Зернов. Кроме того, академик обязательно должен жить в Петербурге, и отступления от этого правила не допускаются⁶¹.

Делать нечего: надежды укрепить «материальную базу» провалились. Но на работоспособности Ханыкова это не отразилось. В 1874 году вышла из печати книга К. Риттера «Иран. Часть первая» в переводе и с дополнениями Н. В. Ханыкова. Вышла на этот раз в Петербурге и на русском языке. Титулы ориенталиста снова пополнились: член-корреспондент Германского Восточного общества, почетный член географических обществ — Берлинского, Венгерского, Парижского, Лондонского и Итальянского, почетный член Британского Азиатского общества «и т. д.».

Весьма объемистое введение (65 страниц) рассказывает о «значении Риттера в науке Землеведения». Из общего текста, насчитывающего 655 страниц, 310 в Риттеровом «Иране» принадлежали собственно К. Риттеру, а 345 — Н. Ханыкову. И снова обилие привлеченных источников, огромный фактический материал, критически осмысленный и изложенный. Мы встречаем в этом издании подробное описание Систана, расселенных в районе Паропамиза племен чор-аймаков и хезаре, а также таджиков Восточного Ирана; интересные статьи немецкого профессора-ираниста Шпигеля (1820—1905) об иранских наречиях, о результатах изучения клинописных надписей, сасанидских писем и т. п., включенные Ханыковым в текст.

Работа нашего востоковеда над Риттеровым «Ираном» обещала подарить миру глубокое сводное исследование об этой стране, в котором нашли бы отражение новейшие сведения. К огромному сожалению, замыслам не суждено было осуществиться. Ухудшение здоровья помешало Ханыкову продолжить работу над двумя остальными частями «Ирана» немецкого географа. Как отмечает В. В. Бартольд, «Географическое общество приняло меры к составлению перевода остальных глав, но этот труд не был выпущен в свет»⁶². Можно предположить, что причиной тому послужило отсутствие в России тех лет другого такого универсального и глубокого специалиста по Ирану, каким был Н. В. Ханыков.

К моменту выхода в свет Риттерова «Ирана» Николаю Владимировичу исполнилось 52 года. В этот период еще более окрепли дружеские отношения Н. В. Ханыкова с находившимися на чужбине соотечественниками, особенно с И. С. Тургеневым. Именно к этому времени относится тургеневская оценка, вынесенная нами в эпиграф настоящей статьи. В 1875 году

великий русский писатель сообщал поэту Я. П. Полонскому (1819—1898): «Н. В. Ханьков живет здесь на даче около Парижа,— я его вижу изредка и скажу одно: это исполин!»⁶³.

Но силы исполина были надломлены. Длительные путешествия в суровых условиях, тревожения и нервные напряжения нелегкой жизни, упорный труд — все это не могло не сказаться на его здоровье. Он еще живо и охотно откликался на разнообразные научные и политические запросы из Петербурга, поддерживал переписку с друзьями, с удовольствием встречался с приезжавшими из России соотечественниками, в частности с М. Е. Салтыковым-Щедриным, писал небольшие статьи и заметки. Однако на крупные труды сил уже не хватало.

В 1878 году в дачной местности Рамбуе под Парижем Николай Владимирович скончался. Известие о его смерти вызвало горестные отклики во всем востоковедческом мире. Во многих изданиях появились некрологи, в которых отмечались его выдающиеся заслуги. «Русский биографический словарь» поместил сведения о жизненном и творческом пути Н. В. Ханькова.

Подведем и мы некоторые итоги.

Н. В. Ханькова, самостоятельно изучившего восточные языки (В. В. Бартольд применил к нему старинное выражение: автодидакт), можно считать в какой-то степени самородком. Он шел к науке от практической деятельности, пока наука не поглотила его целиком. Ханьков отдавал ей себя полностью, не гоняясь за чинами и званиями,— они находили его сами.

Невозможно, да и незачем предъявлять ученому, основная деятельность которого протекала в 40—70-х годах XIX века, претензии, исходящие из требований сегодняшнего дня. Мы, к сожалению, не находим в его трудах серьезного и глубокого социально-экономического анализа исторических событий и современной жизни. В его произведениях встречаются порой гипотезы и предположения, высказанные слишком категорично и поспешно. Автор иногда перегружает исследование обилием имен, названий, сравнительного материала (хотя в этом, разумеется, есть положительные стороны), что затрудняет восприятие.

И в то же время в творчестве Н. В. Ханькова проявились лучшие черты отечественного востоковедения: искренний интерес и симпатии к народам Азии, стремление объективно и беспристрастно отразить характерные черты этих народов на соответствующем этапе их развития, полное отсутствие шовинистических тенденций, колонизаторского подхода к их изучению, сплошь и рядом встречавшегося у многих западноевропейских буржуазных ориенталистов, особенно английских, обслуживавших нужды Ост-Индской компании, а затем Британской империи.

Впрочем именно такой позиции мы вправе ожидать от брата петрашевца А. В. Ханькова, погибшего на каторге. Да и сам Н. В. Ханьков не проявлял особых симпатий к самодержавному строю и общему режиму царской России, где ему, несмотря на природные дарования, огромное трудолюбие и множество первоклассных для своей эпохи исследований, так и не удалось сделать «большой карьеры» в императорской Академии наук.

И последнее. Нам кажется целесообразным завершить рассказ о крупном востоковеде следующей выдержкой из русского журнала за 1862 год, автор которой не только дает оценку «Экспедиции в Хорасан» Николая Владимировича, но и приводит небезынтересные сведения более широкого плана:

«Мы с истинным наслаждением прочитали прекрасное сочинение г. Ханькова. Автор умеет излагать научные результаты своих исследований с такой ясностью и увлекательностью, что, раз принявшись за чтение его книги, почти невозможно оставить ее, не дочитавши до конца. Но и к этому наслаждению примешивается капля горечи. Невольно задаем себе вопрос: почему мы должны знакомиться с трудом г. Ханькова из французской книги? Неужели мы всегда должны будем искать в иностранных книгах и журналах результатов путешествий, совершенных русскими путешественниками? Что книга г. Ханькова явилась на французском языке, это, конечно, явление весьма естественное: подобные труды, совершаемые нашими учеными, необходимо должны быть известны за границей. Но почему она не явилась прежде, или по крайней мере одновременно, на русском языке? Еще в прежнее время можно было бы легко объяснить себе такое явление. Круг читателей серьезных книг у нас был весьма ограниченный: можно было опасаться, что книга не разойдется в публике и автор или издатель останутся внакладе. Но, кажется, в настоящее время этого уже не может случиться. Достаточно припомнить себе, какой успех имели в нашей публике „Путешествие в Китай“ Е. П. Ковалевского и „Фрегат Паллада“ Гончарова, чтобы убедиться, что и у нас теперь дельно написанное сочинение находит много читателей.

Поэтому мы считаем себя вправе выразить надежду, что сам автор или наше Географическое общество, принимавшее столь деятельное участие в снаряжении Хорасанской экспедиции, в скором времени обогатят нашу литературу русским изданием прекрасного путешествия г. Ханькова»⁶⁴.

Принося извинения за длинную выдержку, отметим в ней некоторые существенные моменты. Научные изыскания Н. В. Ханькова и их литературное воплощение ставятся в один ряд с таким образом художественного творчества, каким является «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова. Рецензент выступает патриотом отечественной науки, отмечая развитие интереса к ней среди широких читательских кругов. Но высказанная им надежда на выход в свет описания путешествия в Хорасан находит свое претворение в жизнь лишь более 100 лет спустя.

Думается, однако, что весьма затянувшиеся сроки издания не отразились на достоинствах публикации и советский читатель получит большое удовлетворение, которого были лишены современники Ханькова, интересовавшиеся путешествиями на Восток и не имевшие возможности ознакомиться с «Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale» на русском языке.

Редакция выражает глубокую признательность заведующей научным архивом Географического общества СССР Т. П. Матвеевой за содействие в подборе материалов к данной работе.

Н. А. Халфин